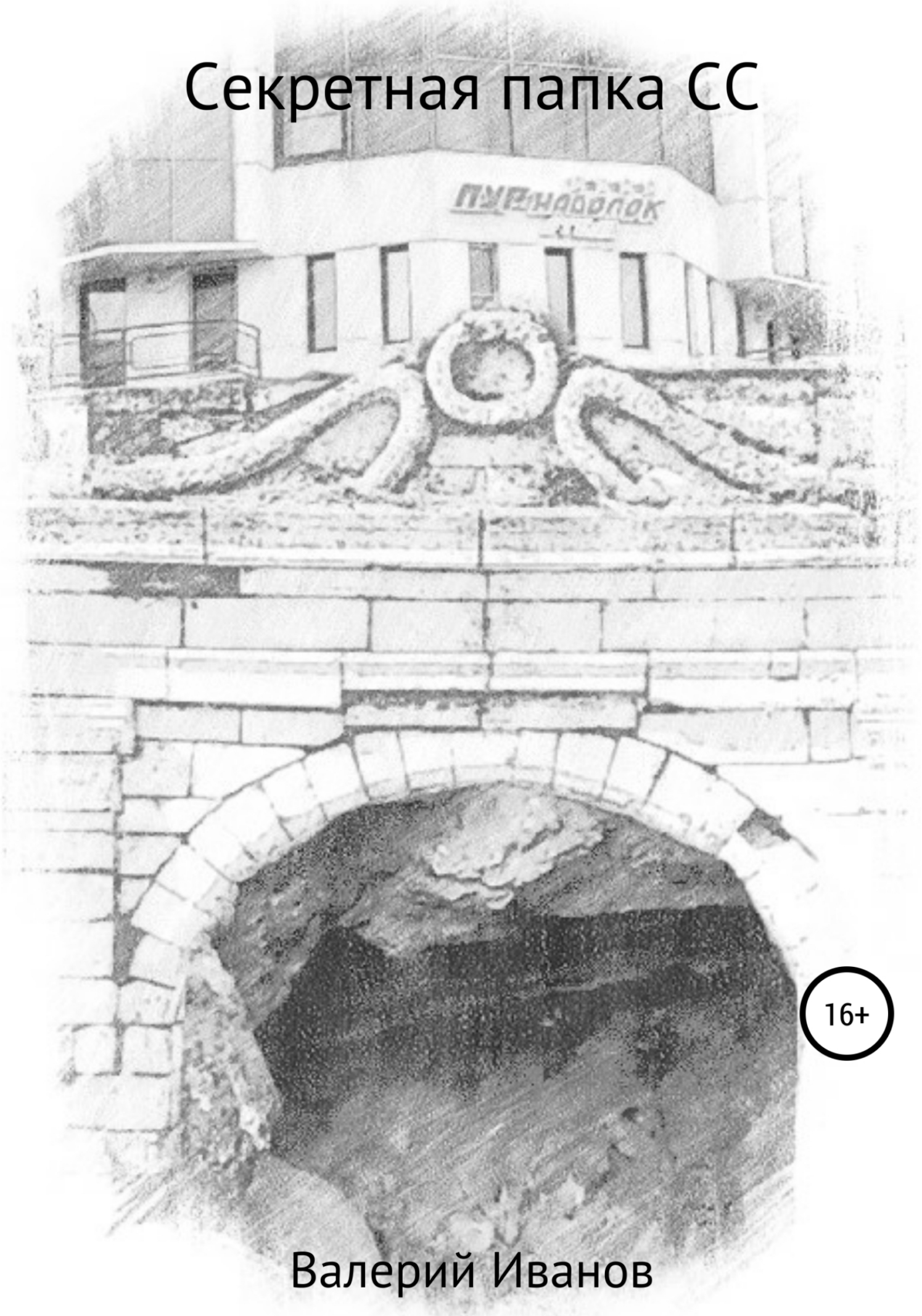

Секретная папка СС

16+

Валерий Иванов

Валерий Иванов
Секретная папка СС

«Автор»

2011

Иванов В.

Секретная папка СС / В. Иванов — «Автор», 2011

Одному из преподавателей университета Вирджинии Андреасу Фильчигану попадает документ СС, нацистской Германии. Он посчитал что в ней указан путь в другое измерение. И он с другом сквайром, отправляется на поиски загадочного места, куда дороги их приводят в Россию.

© Иванов В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Валерий Иванов

Секретная папка СС

1939 год. По окнам жилых домов легкой дробью простукивал летний дождик и, пройдясь по светлым вымощенным улицам Германии, почти тут же высушал, не успевая впитываться в одежду прохожих, большую часть которых составляли военнослужащие Третьего рейха.

Адольф Гитлер, наблюдая сверху с третьего этажа через окно недавно отстроенного здания новой рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе, 77, проводил взглядом новенький черный BMW Limousine.

Этой ночью ему было не до сна. Рана в левом бедре, полученная в Первой мировой войне под Ле Баргюр, ему кажется более чувствительной, чем действительное его состояние – нарушение пищеварения, иногда мучившее его. Отчего под наблюдением своего личного врача он принимал успокоительные и стимулирующие препараты. Но не этой ночью.

В голове витал масштабный, как считал рейхсканцлер Германии, план, который продвинет его еще дальше к востоку. Ему будет подвластна система, значимая папка, под кодовым названием ZI¹, пока еще с чистыми бланками в его кабинете, система, не требующая никаких законов самого мироздания.

Следующий шаг к местам расположения групп АНЕНЕРБЕ позволит расширить поле поисков после взятия норвежских мест, где до Шпицбергена будет рукой подать. Стоит, считал арийский вождь, нации договориться со Сталиным, на чью снисходительность Гитлер еще до встречи с ним в октябре все же мало рассчитывал, поэтому название предполагаемого плана по захвату России стоит продумать сейчас, решил он. Все же, так как о лидере социалистического строя у него существенного понятия как о человеке еще не сложилось, Гитлер не знал того, что у другого существовало мнение о западе взаимно, – оба лидера думали друг о друге, что они недалеки в политике.

В кабинете министра обороны рейха ВКВ² в десятом часу утра было ни тускло, ни светло. Сверху свисала люстра небольших размеров, посередине стол из красного дерева для четырех персон, ковровая дорожка, все официально, с правой стороны, где стоял фюрер, на стене висел портрет самого Гитлера.

Напротив политической карты к стене был приставлена арка с полкой, под которой был сконструировано подобие недействующего камина, обнесенного решеткой-заборчиком. На полке стоял небольшой бюст Гитлера и полуовальные часы, которые едва слышно отмеряли время.

Гитлер обернулся, когда в комнату зашел Геринг. Прикрыв неслышно дверь, отдал честь фюреру, тот ответил тем же приветствием, вскинув правую руку чуть выше головы.

– Мой фюрер, – министр вынул из-под мышки папку и направился к Гитлеру, – вот этот документ. Наши агенты в замке Старого города в Вильнюсе разыскали бумаги, принадлежавшие некогда литовскому князю, сохранившиеся в его библиотеке, я полагаю, тайной.

Фюрер, приняв папку, положил ее на полку с часами.

– Датированные, – Геринг был горд собой, довольствуясь тем, что отличился в своем задании перед фюрером, – восемнадцатым веком. Надеюсь, это будет не последним приложением в папке ZI, мой фюрер.

Министр улыбнулся, отдал честь Гитлеру, шагнув в сторону, довольный выполненной работой. Гитлер, улыбаясь, поблагодарил офицера, пожав ему руку.

Он остановил Геринга, когда тот направился к двери.

¹ Inno zustand – инновационное состояние.

² От нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. ОКВ – Верховное главнокомандование Вермахта в 1938–1945 годах.

– Кстати, Герман, я вот подумал, как вы считаете, в чем особый недостаток русской нации? – внезапно спросил Гитлер, задумавшись.

Главный фельдмаршал люфтваффе, хотя не знал, что ответить, все же решился блеснуть мыслями перед лидером нации:

– Коммунистический строй, мой фюрер, – сказал он.

– Нет, дорогой Герман. Русские плохо оценивают свою историю и культуру. Да, вот еще, подберите на завтра сопровождение, я намечаю выехать в Берхтесгаден.

– Да, мой фюрер.

Оба нациста, отсалютовав приветствием, выкинув распрямленную ладонь, расстались.

2009 год. Штат Вирджиния. По суетливым коридорам университетского колледжа шел Андреас Фильчиган. Его предки были родом из Латвии. Фамилия по родословному древу изменилась, но ностальгия, проявившаяся у его родителей, по фамильной истории подтолкнула дать ему это имя вместо Пола.

Не задавшееся ранее утро: его любимый пес Кликс испоганил его новые ботинки. Дав некогда трещину в швах, один из старых полуботинок, надетых вместо новых, холодил стопу. Спеша по дороге на работу, он случайно попал этой ногой в лужу и теперь испытывал неудобство от пронизывающего холодка в обуви. Второе его потрясение было в том, что, чтобы немного сместить влажную часть носка в более сухую, он сам того не заметил, как остановился перед дверью аудитории. И сделав никчемную попытку устранить неудобство, не успев сделать шаг вперед, бросил это бесполезное занятие – и тут же врезался лбом во внезапно раскрывшуюся дверь аудитории. Одна из студенток, распахнув дверь, не знала, что за ней стоял Андреас.

– Ох, простите, вам не больно? – спросила она, прикрыв рот в изумлении, не зная, смеяться ей или посочувствовать педагогу.

– Нет, все нормально, – ответил Фильчиган, потирая лоб и слегка нос, так как этой части лица также немного досталось.

– Я, право, даже не знала, что за дверью кто-то находится, – девушка стала воспринимать ситуацию немного серьезней, гадая, не травмировала ли она его.

– Нет, все нормально, – повторился Андреас.

Стараясь заглушить неприятное впечатление, не ощутив крови, он с уверенностью убрал ладонь с лица. Девушка, также поняв, что не причинила особых страданий человеку, поспешила опередить его и собрать выпавшие из рук Фильчигана книжки и ручку.

– Спасибо, – несмелым голосом поблагодарил он ее.

– Вы уж еще раз извините меня, так случайно получилось.

– Нет, нет, ничего, – Андреас чувствовал себя почему-то неловко, однако забыл о дырявом полуботинке.

В следующий момент Фильчиган, уже забыв о произошедшем случае и обуви, на миг обернулся, чтобы получше рассмотреть девушку. Но, потеряв ее из виду, тут же забыл о ней, вспомнив о том, куда направлялся. Отработав наконец свои пару часов по общественному, на сорок пять минут направился в буфет, чтобы перевести дух перед проведением следующих занятий и найти там своего старого друга Бенджамина Нильсона, сквайра, о котором точно знал, что он там находится.

– Привет, Бен, – Фильчиган подсел к мужчине лет сорока пяти за столик, – вот смотри...

– Что это? – безучастным взглядом посмотрел Нильсон на пару снимков.

По виду можно было предположить, что этого человека ничто не может отвлечь от пары гамбургеров и сытной картошки фри. Нильсон, запихивая в рот оставшийся кусок гамбургера, обратил все же внимание на фотоснимки, протягивая, не глядя, другую руку к стакану с соком.

– Ты отыскал новую цивилизацию? – сказал, запивая еду, его друг, – или это новое место Атлантиды?

– Здесь временной портал.

Нильсон едва не подавился.

– Я же тебе вчера звонил, рассказывал об этом, а это снимки из космоса, вот, если приглядеться, то вычерчивается явная пентаграмма, – Фильчиган начал беспокоиться, что его не принимают всерьез, но не знал, как привлечь к себе внимание.

Выслушав Фильчигана, Нильсон снова принялся изучать снимки. Но, скорее, делая вид, чтобы не обидеть товарища, зная его страсть к изучению всяких неизвестных мест на планете и забытых культур.

– Ну, хорошо, Андреас, но что это?

– Ну, для начала... у тебя есть время?

– Конечно, есть, я сюда именно и пришел, чтобы послушать тебя.

Нильсон старался не подавать виду, что он с безразличием рассматривает снимки.

– Тут, скорее, наонаграмма какая-то. Что это, старина, не томи? – Нильсон быстрее хотел получить ответ, чтобы также поскорей задать совершенно бессмысленных несколько вопросов, и подыграть старому товарищу, и быть свободным. – Рассказывай, еще одно троянское поселение?

– Какое троянское поселение?! – возмутился невежеством в археологии Фильчиган. – Троя вообще находится намного южнее. А эта крепость расположена на юго-восточной части берегов Белого моря. Это север... – Фильчиган выдержал паузу, – но и не так важен сам этот форпост, Бен, – философ осторожно посмотрел по сторонам, словно считая, что его тайну может подслушать кто-то из представителей секретных служб, – главное, – говорил он почти шепотом, облокотившись на стол, не спуская взгляда с Нильсона, – что находится на этом месте.

Фильчиган снова огляделся, уже не опасаясь заподозрить в ком-либо из присутствующих мирно обедавших людей специального агента.

– Точнее, – продолжил Фильчиган, – под ним...

– Что под ним? – не выдержал затянувшуюся паузу рассказа друга Нильсон.

Казалось, он был в нетерпении выслушать все до конца, и больше того, внезапное молчание действительно заинтриговало эсквайра, чего, собственно, он все-таки боялся.

В прошлый раз Фильчиган увлек его в захватывающий рассказ о взбунтовавшемся индийском племени, для чего пришлось просидеть в столовой и не заметить, как пропустил половину своего урока, ожидая конца. Но сейчас Нильсон преспокойно доедал свой гамбургер. Светило солнце, что придавало настроение, и он был готов выслушать любую ересь, зная, что Фильчиган, если пожелает поделиться своими находками, обязательно будет стараться как можно быстрее выложить все, что у него накопилось в голове, даже за короткое время. Так как Андреас Фильчиган стремиться всегда быть пунктуальным и старательным как гражданином, так и преподавателем, он не мог допустить и мысли, что может прийти не вовремя на лекцию. Но, оставшись наедине со своими мыслями, будет просто мучиться. Ведь никто, кроме Нильсона, давнего товарища по скаутингу, с которым они занимались в юности, не будет слушать его предположения или безосновательные выводы. Ну, может, кроме любителей пофилософствовать, пожалуй, за кружкой глинтвейна или порцией вкусного обеда.

Фильчиган, обрадовавшись, но к проявлению неподдельного интереса друга, стал быстро собирать в голове всю имеющуюся информацию, чтобы выдать необходимое умозаключение. Но, как и есть, самое важное для скептического, но впечатлительного человека, как Нильсон, Фильчиган медлил, накаляя обстановку, зная, что его друг сейчас никуда не торопится, а у самого Андреаса есть в запасе время, чтобы подготовить товарища к самому открытию его интриги.

– Ты помнишь, я тебе как-то говорил об одной папке, которая находится у фашистов?

Нильсон попытался вспомнить.

– Но не важно, – Фильчиган заметил тщетные попытки друга вспомнить о том, что он, возможно, никогда и не упоминал, – так вот, после освобождения Кенигсберга русскими в одном из его замков немцы, поспешно покидая город, оставили часть своих научных документов, которые не успели уничтожить. Так вот, – Фильчигану не терпелось поделиться с другом своей находкой, он еще раз оглянулся, словно считая себя шпионом, – после нескольких тщетных попыток, когда я уже не надеялся найти что-либо, мне пришел ответ из университетской библиотеки.

– Ну, и... – заинтригованно смотрел на него эсквайр.

Фильчиган глядел на него, словно ожидая этот вопрос, и ответил:

– Ничего, Бен!..

– Ничего?! – Нильсон выглядел обескураженно.

Все же он оставался на месте, зная о том, что Фильчиган ни за что не станет признаваться в своих мнениях, если не будет в чем-то до конца уверен или его изыскания не будут иметь окончательный вывод.

– Но, – продолжил Фильчиган, – в ответе из Кенигсберга было приписано, мол, что где-то, кое-куда надо обратиться. И я... направился в Россию.

– Ого, – неподдельно удивился Бенджамин Нильсон, – эк тебя, дружище, серьезно потрянула эта бумажка. Ну и как там?

Рассказы о путешествиях также входили в увлечения философа, поэтому он ничуть не смутился тому, что Нильсон его перебил.

– Ну, – не знал, с чего начать, Фильчиган, – дома там очень старинные, непохожие друг на друга, еще бы, им насчитывается от ста до трехсот лет. Ну а погодка там так себе, чуть свежее, климат там все-таки влажный, хотя море немного дальше от самого города. Идешь по набережной, и по ограждениям волны разбиваются, шш-пухх...

Фильчиган, словно вновь оказавшись на улицах старого города, немного раздвигая ладони, чтобы не привлекать к себе внимания окружающих, попытался представить другу то, что наблюдал сам.

– Здорово. Но все же, Бен, это не сама Россия. Дух там витает какой-то ...

– Что за дух? – поняв, чем тот хочет с ним поделиться, Нильсон поспешил сыронизировать над приятелем.

Фильчиган медленно, словно выходя из эйфории прошлого, посмотрел на друга с осуждением.

– Ладно, ладно, пошутить нельзя, смотри, вон как насупился, – растянувшись в улыбке, Нильсон слегка затрясся от удовольствия от удачной шутки, – о, о, люди, кто в красном? Поспешите, а то мой друг сейчас набросится на вас, – продолжал шутить Нильсон. И от новой шутки еще больше захохотал. Он говорил и смеялся негромко, поэтому люди, приходившие или покидавшие столики, не обращали внимания на двоих общавшихся между собой преподавателей. И в момент, казалось, своего успокоения Нильсон будет готов продолжать слушать друга, но не сдержался от внезапно посетившей его мысли.

– Только у-у не мычи, прошу тебя, – сказал он, вновь расхохотавшись.

На этот раз внимание на них привлек столик, за которым сидела парочка студентов.

Фильчиган, бросая короткие взгляды на окружавших, старался не показывать, что чувствует себя потерянно рядом с весельчаком, и смиренно ожидал, когда Нильсон перестанет смеяться. Он считал, что последующие доводы вновь заинтересуют в глубине души романтического эсквайра.

– Документ «Зед и» тебе что-нибудь говорит? – сказал терпеливый Фильчиган, посчитав, что нужно подождать конец его иронии и предел ее будет переходом к делу.

– Хе-хе-хе, – постепенно остывал эсквайр, о чем-то размышляя при этом.

– Инновакуумио? – предположил педагог по физике, еще сохраняя улыбку.

Улыбка исчезла с лица профессора, как только Фильчиган мотнул головой в знак согласия, с вопросительным взглядом ожидая от товарища следующие вопросы.

– Да ну! Не может быть, ты меня разыгрываешь, дружище. – Нильсон облокотился, наклонившись набок, о рукоятку пластмассового стула.

Это помогало ему прийти в себя, чтобы лучше осмыслить свое предположение. Его лицо стало серьезным.

– Да такое место едва можно предположить за пределами нашей галактики, понимаешь? Черная дыра... отсутствие гравитации и притяжения здесь, на нашей планете?! Отсутствие вакуума в пространстве?! Этого не может быть на Земле!

Нильсон, раскинувшись на стуле, все же не расслабляясь к опровержению законов своего учения.

Бенджамин Нильсон всегда с уважением относился к своему приятелю. В особенности к его увлечениям. Хотя тот был младше его на несколько лет. И всегда в новое, открытое Фильчиганом, Нильсон проникал с откровенным энтузиазмом. По началу повествований в помыслы товарища развлекали его, своими доводами, но позже, когда факты преобладали над немыслимостью утверждений, в итоге предположений Фильчигана эсквайр относился к его какому-либо новому открытию с восхищением. Но в этот раз Нильсон был потрясен до необычайного состояния. «Неужели, – гадал он, – сейчас Андреас мне откроет место, где находится портал по перемещению сквозь время, что когда-то было лишь в предположениях самого Эйнштейна?»

– Я тебе дорасскажу? – все же, будучи неуверенным в том, что слушатель готов к пониманию заключения рассказа, Фильчиган продолжил.

– Так, – Нильсон был весь внимание.

– В Кенигсберге я отбродил все библиотеки, зашел и в ту, откуда мне пришел ответ. Там мне сказали, что нужной мне папки у них нет. Но однажды посетившая их в конце сороковых некая особа, которая выглядела так, словно знала, наверное, даже, допустим, самого Карла³...

– Ну-ну... – приближал друга к развязке его товарищ.

Россия. Архангельск. Кабинет мэрии.

– Виктор Михайлович, мы понимаем, конечно, – женщина взволнованно оглядела присутствующих коллег, пытаясь найти в них поддержку, но тут же снова переключилась на мэра, – ремонт крепости требует огромных затрат, но все же для нашего небольшого отряда хотя бы получить разрешение для проведения раскопок...

На мгновение воцарилось молчание. Мэр города понимал, что форпост, возведенный некогда для отражения шведской кампании триста лет назад, является для города, бесспорно, историческим достоянием, кроме архипелага, расположенного в Белом море. В то время, когда город был причислен к званию воинской славы, необходимо было подчеркнуть его достояние. Но денег, выделяемых федеральным бюджетом, хватало лишь на ремонт частей некоторых зданий, в частности, на укрепление дорожных покрытий. Все же при культурном центре энтузиасты не нуждались в каком-либо масштабном спонсорстве, что облегчало работу мэра города Архангельска.

Погладив начисто выбритый подбородок, он дал разрешение на выделение небольшой суммы для проведения частичного обследования развалин некогда существовавшей крепости, находившейся на окраине города.

– Объявляется посадка на рейс Архангельск – Воркута пройдите к выходу номер один, – раздался в аэропорту женский голос диспетчера.

³ Глава народного союза немцев за рубежом (1938–1941 гг.).

– И куда теперь? – спросил Нильсон Фильчигана.

Путешественники озирались по сторонам в поисках таксистов, ожидающих приезжих. Но, как ни странно, ни в одном из поодаль стоявших от них мужчин, одетых в повседневную одежду, они не могли узнать человека, который бы мог довести их до гостиницы. О том, что подходившие к ним люди, бросавшие кроткий взгляд на их поклажу что-то бубнившие в этот момент на местном диалекте, двум американцам в голову не приходило, что это могли быть водители частного такси. На что прилетевшие ранним рейсом Санкт-Петербург – Архангельск двое мужчин считали это за приветствие. Пожимали плечами, мотая головой, одаривая их глупой улыбкой, пытались показать, что не понимают, чего те хотят от них.

– Я думаю, нужно выйти наружу, – предположил находчивый обществовед. – О! А вот и Замятин, ну, с которым мы познакомились в полете.

Обрадовавшись тому, что может добыть информацию о том, где они с другом могут остановиться, Фильчиган хотел догнать мужчину, одетого в легкую кожаную куртку и брезентовую кепку, который собирался выйти наружу из дверей фойе аэропорта.

– Постой, Андреас, – остановил своего напарника Нильсон, – нельзя быть таким откровенным перед каждым незнакомцем, тем более в России, забыл, КГБ, а вдруг это спецагент?!

Нильсон сделал серьезное выражение лица, зная, что Фильчиган может попасться на шутку с выслеживанием. Он решил напугать друга, но не выдержал, когда тот, замерев, прислушавшись к совету, посмотрел на него, рассмеялся.

– Опять ты с шутками, Бен, – Фильчиган, раздосадованный несерьезностью своего компаньона, взял свои вещи и направился к выходу, забыв о шутке сразу же, когда заметил массу знакомых шашечек на машинах.

Черный автомобиль марки Audi мчал двух иностранцев в ближайшую гостиницу. По дороге им машины встречались редко. Выехав из района, похожего на отдельное поселение от аэропорта, они попали на местность, где по левую стороны их сопровождало поле, по правую сторону – строения, скрытые за фанерным забором, давно не функционирующего завода.

– Ты извини, Андреас, но в моей голове никак не укладывается, как руководители музея не пожелали принять столь ценный документ, тем более папку ZI!

Водитель автомобиля, заметив внимательно рассматриваемого пассажира местности, случайно, встретился в лобовом зеркале, подмигнул ему.

– Шведы? – вскинув приветливо головой, спросил таксист, ободряя иностранцев улыбкой. – Тут вас, таких ребят, не часто, но бывает. Ничего, минут пятнадцать – и будем на месте. Фильчиган пожал плечами.

– Не знаю, в конце Второй мировой войны там было их столько, этих бумаг, и секретных, и не секретных. Может, руководство библиотеки посчитало тогда этот документ за рядовую штабную документацию, в то время их было сотни, а советскому посольству некогда было вникать в эти формальности. Вот бабулька и вернулась домой обратно с этой папкой, в лучшем случае спасибо и тем, и тем, что сохранили документ.

Водитель, у которого настроение было хоть отбавляй, добавленное накруткой за проезд почти в двойном размере для иностранных гостей, случайно заслышав знакомое слово, как бы между прочим решил поддержать беседу.

– Советы? Да. Но вы точно не коммунисты, ребята, – решил подшутить над ними водитель.

– Да что он там все болтает, езжай давай молча, – возмутился эсквайр. – Ты что-нибудь понимаешь по-русски, Андреас?

– Кажется, он пытается нас убедить, что хорошо знает, куда едет, – ответил Фильчиган.

– Это радует, – заметил Нильсон и повернул голову в сторону, где поля сменились на одноэтажные нежилые строения.

– Послушай, Андреас, зачем эти две трубы, как думаешь? – заметил по правую сторону от компаньона наблюдательный Нильсон огромное строение, из которого в небо выходили две огромные трубы.

– Не знаю, это, наверное, был завод по переработке чего-то, – ответил Фильчиган, когда они свернули по шоссе на трассе налево.

– Позвольте, – выскочило у обществоведа. Назревший еще в пути вопрос и пользуясь открытостью водителя, Фильчиган не замедлил к расспросам по пути в гостиницу, – вам известно, где находится Новодвинская крепость? – обратился он на ломаном русском языке к шоферу, когда они оказались на мосту, пересекавший железнодорожные пути.

– О! Новодвинская крепость, – догадался водитель, – это туда, в конец города, до Экономии, – махнул он рукой в правую сторону, – полчаса со мной...

Он достал из бардачка картонную карточку и протянул ее Фильчигану.

– Юрий, моя визитная карточка, – взгляды иностранца и шофера вновь встретились в зеркале заднего вида. – Мегафон, беру недорого по спецкурсу, особенно, – выделил он, широко улыбаясь, – для шведов.

– Спасибо, – поблагодарил его Фильчиган, половину не поняв из сказанного.

Прохладный ветерок последнего месяца лета, встретивший путешественников в аэропорту, казалось, предвещал неблагоприятную атмосферу северного города. Но, остановившись на светофоре у перекрестка, когда Юрий приоткрыл окно и в успевший исчерпаться кислородом салон автомобиля ворвался свежий воздух, донесся едва уловимый шелест деревьев. Пропустив пешеходов, их Audi отправилась дальше, но не успела доехать и до середины перекрестка, как Юрий резко нажал на тормоза.

– Что за... – выругался он.

Внезапно с правой стороны белый Renault Logan, стоявший на полосе рядом с колонной автомобилей, ожидавших зеленого света светофора, сорвавшись с места, выскочил на перекресток, повернув, задел бампер частного таксиста. Водитель иномарки, вероятно, не ожидал реакции Юрия и, пытаясь выровнять машину, лишь увеличивал теперь ее занос. Автомобиль, блеснув солнечным светом новенького кузова, показав глубокую царапину, заехал прямо на ограждение, разделявшее дорожные полосы, которые практически протаранили заднюю часть его салона, этим снизив удар о стоявший рядом пассажирский автобус с квадратной табличкой под номером семь, мирно ожидавший разрешающего сигнала светофора. Скрежет металла, визг тормозов и битье стекла на каждого пешехода отразились по-разному: те, кто едва успел спастись, ускорили шаг к спасительному тротуару, те же, кто собирался еще только совершить переход, не спеша, уступая вновь двинувшего с места происшествия взвизгнувшего колесами белого Renault, продолжили путь.

– Ну, вот опять в ремонт придется сдавать, – Юрий со злостью ударил руками по рулю, не без удивления понаблюдав за людьми, пытавшимися завести покореженный Renault, – а еще года нет после Терехина...

– Болван, – рассерженно сказал водитель иномарки, направляя в левую сторону руль, и, переводя рукоятку коробки трансмиссии, ставя сразу на третью передачу, пытался вывести машину, – ты где машину брал, да еще без пробега?

Машина вырулила на проезжую часть дороги и, распушивая пешеходов, снова взвизгнув колесами, скрылась в стороне, откуда появились иностранцы.

Юрий, выставив аварийный треугольник, рассмотрев место, где раньше были фары и бампер, вернулся на свое место. Раздосадованно потирал костяшками кулака зубы. Оперевшись локтем на открытое окно двери, он о чем-то нервно размышлял.

– Пять рублей... – пробубнил он, – пять рублей из-за какой-то с...

Водитель внезапно вспомнил, что в его салоне находятся два представителя из Европы, через зеркало заднего вида заметив их недоуменные взгляды.

– Вот такие у нас ребята... – обратился он все через то же зеркало к сидевшим позади него пассажирам, – ...денег навалом, понапокупают прав, потом машин и гоняют по всему городу. Думают, у них есть деньги, значит, есть права на все. Подонки... – не выдержал Юрий и развернулся в сторону туристов. – Но вы, господа-товарищи, – на лице Юрия вновь появилась дружелюбная улыбка, словно ничего не произошло, – собственно, можете пересесть на другой транспорт, вон дорогу только перейдете.

Юрий указал перед собой, где перпендикулярно двум жилым домам стояли три машины. Вверху мигал красный крест аптеки. У двоих из них на кабине находились все те же почти ставшие родными, как единственное напоминание Фильчигану о Родине, желтые светильники с шашечками на такси.

– Вон, видите мигающий крест? Под ним можете что-нибудь себе поймать, – и вновь повернулся к путешественникам, – и ехать себе.

Нильсон не понял ни одного его слова, но постигающий язык происходившего.

– Кажется, я его понимаю, ну-ка, Андреас, – поспешил сообразительный эсквайр сказать коллеге, пока Юрий указывал в сторону вывески «Аптека».

– Я заметил, у тебя в правом кармане есть сдача с куртки, что ты приобрел в Вашингтоне, попробуй-ка, достань ее, там же немного.

Нильсон знал, что требование хлопот у друга излишне, все же решил перестраховаться, заметив приближение служебных машин дорожной безопасности. Достав из правого кармана своей рубашки сотенную купюру, приняв из рук Фильчигана еще две, поспешил передать их Юрию.

– Что?! Вы что, ребята? Тут же...

Находчивый сквайр Нильсон, растопырив пальцы ладони, с легкой улыбкой дополнил:

– Пьять, – сказал он.

– Ну... – неожиданная щедрость «шведов» обескуражила частного водителя.

И тут же идеи о том, что хотел Юрий поблагодарить или вернуть часть денег, никто не узнал, так как к ним подошел инспектор по безопасности дорожного движения.

Спустя несколько минут, занявших на выяснение произошедшего ДТП, американцы только через двадцать пять минут уже находились в ресторане гостиницы «Пур-Наволок».

1941 год. Восточная Пруссия. 12 часов дня, 43 минуты, черный седан BMW мчал по вымощенной дороге между молодых берез, ведущих вдоль кортежа.

Адольф Гитлер вглядывался через окно автомобиля в панорамное, кажущееся бесконечным пространство свежескошенных лугов, сопровождавших их к явочному месту. И время от времени, словно подчеркивая путь лесного разбойника, то появлявшийся, то исчезающий за луговым полем лес, к месту с названием «Волчье логово».

– Мой фюрер, через шесть минут будем на месте, – обернувшись назад, предупредил его сидевший рядом с водителем оберст-лейтенант.

Гитлер кивнул головой в знак благодарности. Офицер вновь вернулся к дороге.

В памяти лидера нации витало выступление на Мюнхенской конференции в прошлом году о негативном влиянии Западной Европы при вступлении Германии в войну. Напряженный тем, что Великобритания может завязать отношения с США, стараясь не подавать вида перед германскими офицерами, лидер нации тешил себя тем, что ставил ставку на Сталина, так как считал его человеком, всегда идущим на компромисс и упрямым, несведущим в политических делах. Но на первую очередь важного события сегодняшнего дня была эта поездка.

Он обратился к офицеру, который находился от него по правую руку:

– Вам что-нибудь известно еще от АНЕНЕРБЕ, гер Гроймлер? – спросил Гитлер.

– Да, к сожалению, поиски в Польше ни к каким находкам не привели, но подтвердилось предположение о возможном нахождении копья Лонгина, – сказал оберст-лейтенант внешней разведки.

– И где это место? – спросил фюрер.

– На юго-востоке Карпат, – кратко ответил Гроймлер, словно ожидал вопроса.

Не глядя в сторону собеседника, гордясь своей компетентностью, он делал вид, что увлечен дорогой, за которой уже показалась опушка.

Гроймлер размышлял на тему, как преподнести доклад Гитлеру о задании, значащемся под номером 283, зная об увлечении фюрера мистификацией и прочей ерундой, он продумывал, как доклад сделать изысканней, чтобы еще более отметить перед лидером фашизма. Когда показалась транспортная техника пропускного пункта, оберст-лейтенант посчитал, что доложить обо всем не успеет, и решил сделать это непосредственно на ставке, которая начнется через два часа.

Выйдя из машины, лидер партии нацистской Германии, которого уже встречали чины аппарата внешней разведки: начальник Абвера адмирал Канарис, представитель комиссариата по внутренним делам, представитель по национальному вопросу Генрих Гиммлер.

Ученый, в прошлом специалист в области аэронавигации и океанолог, ныне корфеттен-капитэн Бундесмарине Альфред Ритшер представил Гитлеру своего подопечного, после всех, пожав ему руку.

– Мой фюрер, хочу представить вам молодого специалиста. В сфере его исследований входит углубленное изучение культурологии континентальных цивилизаций. Это еще очень новая разработка, в ее основе лежит исследование тайн и археологии культур, – сказал он, зная, что Гитлер ранее интересовался и являлся приверженцем арийской теории, как и увлекался мистицизмом.

– Лейтенант зур си Хайнц Шаффер, – представился тридцатилетний лейтенант.

Гитлер, обрадовавшись новому ученому, протянул руку, улыбаясь в ответ специалисту.

– Рад встречи, обер-лейтенант, – сказал он.

Обрадованный внезапному повышению звания офицер выпрямился и отдал честь с восклицанием, приветствующим лидера нацистской Германии. Гитлер, улыбаясь, похлопал офицера по плечу.

После проведения небольшого заседания, где Гитлер и его свита обсудили новые военные мероприятия, касающиеся вместо ушедших в прошлое планов по захвату Восточной Европы, речь зашла об оккупации России, где они предположили, что задержка в захвате Советского Союза – лишь дело времени.

После окончания собрания Гитлера и нескольких его членов пригласили по поводу его прибытия отпраздновать и выйти на свежий воздух. Гитлер, общаясь с одним из офицеров состава, заметил невдалеке стоявшего у берез Гроймлера, держа в руке бокал с шампанским, фюрер сделал знак, что скоро переключится на него.

Дослушав собеседника, одетого в униформу пехотных войск, он перевел взгляд на Гроймлера, дав понять, что готов выслушать теперь и его.

– Мой фюрер, положение инновационно временного портала определено, – сказал оберст-лейтенант, когда он поравнялся с главным нацистом.

Гитлер мотнул головой собеседнику в знак окончания разговора и, по-товарищески положив руку на плечо Гроймлера, направил его, сопровождая в сторону, где заканчивалась граница березовой рощи явочного места.

– Я с нетерпением жду вашего ответа, – улыбаясь, сказал Гитлер, глядя на собеседника.

Вдалеке граница неба, казалось, соединялась с полем. Полуденный ветерок июня создавал легкий шум, вороша листья деревьев.

У нациста, объявившего о намерении завоевать мир, во взгляде из-под козырька зеленой фуражки, однако, блестел интерес человека, совсем не похожего на того, который с ненавистью смотрит на часть земного населения, но человека, который жаждет познать. Гитлера, когда величие Германии в его понимании вернулось, стратегия и политика теперь мало интересовали его. История германской культуры, интересовала его как увлечение и не более как проявление интереса по изучению им артефактов, но лишь некоторые из них требовали объяснение. И кто знает, что управляло этим индивидуумом в действительности, когда он, став трибуном, как нечего делать выступал перед толпой.

– Мой фюрер, – продолжал с воодушевлением передавать свое мнение Гроймлер, – доступ в портал, по моим расчетам, можно собраться уже к весне будущего года.

Гитлер с недоумением посмотрел на агента отдела «Черный лебедь».

– Необходимое оборудование, которое мы недавно начали комплектовать, часть из него пока не прошла проверки, – оправдывался оберштурмбаннфюрер.

Со спины офицера сползла ладонь фюрера, голова Гитлера опустилась книзу. Увидев печаль Гитлера, Гроймлер посчитал, что следующие слова могут обнадежить его.

– Но к осени все будет уже готово, – сказал он.

Гитлер с одобряющей улыбкой посмотрел на собеседника.

– Хорошо, – сказал фюрер.

Он вспомнил о блеснувшем в лучах солнца бокале, который тут же осушил.

– Мне как раз Редер предложил установить в одной из бухт этого... как его, забыл название моря, в общем, новый форпост вместо крепости, которую когда-то еще воздвиг император России. Настоящей России.

Гитлер приподнял пустой бокал, улыбаясь Гроймлеру, довольный тем, что тот блеснул небольшими, но историческими знаниями.

– Андрес, – сократил по привычке Нильсон его имя, он делал так, когда знал, что может удивить своего товарища, — посмотри здесь. Ты видел когда-нибудь такое? – Нильсон, появившись на балконе гостиничного номера, восхищенный панорамой, облокотившись на ограждение, любовался отражавшей солнечный свет, словно зеркало, спокойной гладью реки.

– Завтра надо обязательно пройтись по этой набережной, – произнес вслух восхищенный эсквайр.

Вернувшись в комнату, застал упавшего навзничь на кровать, уснувшего крепким сном коллегу. Он вздохнул и решил принять ванну.

Очнувшись от солнечного света следующего утра, Фильчигану пришлось держать прямо шею, так как за ночь она затекла, когда он расположил голову на подушке лицом к окну. Напротив него похрапывал Нильсон. Приняв душ, Андреас вышел на балкон. Снаружи еще было прохладно. Вспомнил, что в его куртке находится еще не вскрытая пачка Marlboro, взятая на случай поездки, он все же пока не спешил открывать ее, так как зависимости от табакокурения у него не было. Ручные часы показывали половину восьмого, скоро на завтрак, подумал Фильчиган.

В свежем воздухе от отступившей ночи ощущалась небольшая влажность, предвещающая тепло, несмотря на то что в северной столице шел конец августа. Посмотрев на часы, Андреас собирался уйти с балкона, как его внимание по сбору к экскурсии в деревню. Конвейер спутал стоявший внизу Renault Logan белого цвета. Фильчиган интуитивно заинтересовался им, но, посчитав, что в каждом подозревать специального агента – дело безрассудное, вернулся в номер.

Подойдя к створкам шкафа-купе, находившегося у входа в их номер, на минуту задержавшись у зеркала дверцы, только сейчас уловил свое отражение. До этого, просто причесываясь или бреясь, он не обращал внимания на свою внешность, но сейчас, заметил свою неболь-

шую схожесть с лидером фашистской Германии. Он представил себе маленький куст из усов под носом и отвел вбок прямые волосы.

– Да нет. Нет, совсем даже не похож, просто надо больше питаться... – подумал он и попытался отвлечься, что ему и удалось. Он отодвинул дверцу купе, тут же забыв о своей небольшой схожести с лидером нацистской Германии.

Отыскав в походной сумке карту города, выпрямившись, развернул ее, поспешил найти на ней заветное место.

»Тэ-эк, ну где же, где же...» – гадал он про себя, ища необходимое название, обратно возвращаясь, словно мотая круги по закоулкам речных каналов, по привычке по карте Лондона, считая, что это облегчит поиски. Услышав кряхтение в постели Нильсона который потягивался, проснувшись, Андреас бросился в комнату.

– Ну где же, где она?! – отчаянно он ударил ладонью по карте города.

Фильчиган пытался найти ответ у своего находчивого друга.

– Что ты ищешь, друг мой? – спросонья Нильсон, посчитав, что можно еще поваляться в постели, все же не забывал, зачем они сюда приехали, зевнув, словно растягивая удовольствие, спросил он товарища.

– Крепость! Ее нет на карте, где же мы будем ее искать? – Фильчиган, словно увидав что-то немислимо-необъяснимое, глядел на товарища, ожидая опровержения своему страху.

И не зря. Хотя Нильсон и находился в полудремотном состоянии, все же быстро возвращался в реальность. Он смотрел на друга спокойно. Но его разум с невероятной скоростью уже перебирал множество разных ответов.

– Ты можешь позвонить нашему старине Юрию? – посоветовал он.

Фильчигана словно ударило током. И как ему только не пришла эта мысль первому!

– Точно! – вспомнил он. – Но...

– Что еще, Андреас? – спросил, уже усевшись на кровать, Нильсон, пытаясь отыскать тапочки.

– Но ведь он после аварии, чем он может нам помочь? – недоумевал Фильчиган, держа в руках карту, словно ненужную бумагу.

– Но он же русский, Андреас, он что-нибудь придумает, – отозвался Нильсон уже из ванной.

– Ну, может быть, – сказал Фильчиган, пожав плечами, и подошел к своей тумбочке у кровати.

Через несколько минут старинные друзья, спустившись на лифте, сидели за столами в гостиничной столовой.

Нильсон, как всегда, в первую очередь принялся поесть завтрак. Фильчиган, не обращал на него внимания, выглядел очень деловито. Он, рассматривая край карты, все же пытался представить, как именно может располагаться форпост в виде шестигранника на таком участке, как окраина поселка Конвейер, иногда пропускающая по два глотка свежего кофе.

Андреас не заметил, как к ним подошла миловидная брюнетка, предложив буклет по заказу пиццы. Нильсон принял рекламный проспект из ее рук вместо задумавшегося социолога, как настоящий ученый посчитав, что все может пригодиться.

– Не могу я все, Бен, себе представить, как на таком островке может поместиться целый солдатский полк, – отвлекся от карты Фильчиган, чтобы сделать очередные два глотка.

– Ну, я не знаю, как уместятся полки или только взводные подразделения, а вот здешнюю пиццерию на Чум... Чум-баров-ке, – с трудом выговорил по слогам название одной из улиц города эсквайр, найдя адрес пиццерии, – думаю, стоит посетить. Интересно знать, как они здесь готовят «мама Дольче».

Под свои сорок лет Нильсон был весьма великодушным человеком плотного телосложения, но, сам того не замечая, становился нервным, когда ему хотелось есть, где до того вре-

мени, чтобы перекусить, приходилось ожидать более пятнадцати минут. Не совсем бы было можно сказать, что он любитель набить свой живот едой просто, зная, где поблизости она находится, кроме поездок, он чувствовал себя спокойнее. Фильчиган, наоборот, обычно был сдержаннее к еде и завтрак начинал только лишь с чашкой чая и бутербродом, а если он ощущал утренний голод, ел приготовленную мамой кашу.

Оба американца не заметили, как из номеров, появившись в дверях словно зомби, направлялся через холл к бару изрядно подвыпивший мужчина.

– Анджелин, – сказал он с кокетством, сонным взглядом обращаясь к барменше, едва открывая рот, – мне два по пятьдесят и все...

Он указывал, прищурившись, глазом на одну из стоявших позади девушки в баре бутылок коньяка, словно прицеливаясь.

– И все, Миша, хорош уже, и так всю ночь... – сказал рядом пришедший с ним его товарищ, который выглядел лишь слегка выпившим.

– Не, Дмитрич, еще по пятьдесят, во-во, – обрадовался Миша заполнявшейся рюмке. – А Дмитричу?!

Шутливо, но с осуждающим видом он бросил взгляд на Анжелику.

– Мой друг тоже не откажется, – промурлыкал словно мартовский кот, не спуская взгляда с девушки, и на его, казалось, серьезном лице вдруг расплылась легкая улыбка.

– Не-не, я не буду, Миша, все, мне хватит, завтра днем еще тему для очерка надо обдумать, – отказался от выпивки его приятель.

– Ну вот, – Михаил хотел сделать расстроенный вид, но у него это очень плохо получилось, и он опрокинул жидкость в рот, передернувшись от удовольствия.

– А! Хорошо! – выдохнул он.

Рядом находившийся с ним молодой человек, облокотившись локтем о столик бармена, устало потирал левую часть лица. Он плохо походил на собутыльника приезжего, но, скорее, на сотоварища, чем на его гида или куратора.

Нильсон и Фильчиган закончили завтрак. Фильчиган опустил пустую чашку на стол и хотел взять карту, как Нильсон заметил:

– Да, Андрес, не много же тебе надо, приятель, с утра – кусок пирога да сервизная чашка кофе, – сказала он.

– Да я, – ответил Фильчиган, – мало ем, когда волнуюсь.

– Ну, друг, что... – внезапно на их стол, оборвав речь Нильсона, упал, удерживаясь на вытянутых руках, изрядно подпивший Миша.

– Хелло, май фрэндс американос! – он поднял кверху руку, сжав кулак, в знак приветствия, чем вогнал в недоумение Фильчигана. – Хеллоу, Америка, ай лайк ю! – выдавил он, едва удерживаясь на ногах.

Он поспешил к американцам, когда услышал их голоса, теперь к нему уже торопился его куратор.

– Миша, Миша, – успокаивал его Дмитрич, – не приставай к людям.

– А я и не пристаю, – Михаил вдруг вытянулся, его лицо приняло деловой вид.

– Май нейм из, – пытался выговорить Михаил на ломаном английском языке, – Михаил.

Михаил протянул Фильчигану руку, тот, не зная, что русский может предпринять в следующий момент, если не пойти ему навстречу, неуверенно протянул руку в ответ. Пятерня нового знакомого оказалась сильной для обществоведа.

– Михаил Парцинников. Ду ю ноу эбаут ми? – продолжил он. – Оф, да, ну конечно, откуда вам известно, вы и наши фильмы-то не смотрите. Все только пых да пых, – Михаил, вытянув указательный палец в сторону, словно в замедленной съемке, обхватив кисть руки, представил, что целится из пистолета в неведомого врага, – а души?!

Михаил сжал ладонь в кулак и пытался колотить себя по груди, но его рука не держалась и иногда соскальзывала вниз.

– Чтобы поговорить... а, – он махнул рукой.

– Миха, пошли спать, все уже, мужики вон перепугались из-за тебя, – куратор решил, что, выговорившись, тот успокоится, и следил лишь за тем, чтобы его действия не переходили за грань простого общения, на миг заподозрив в нем появившуюся агрессию. Но это его только подтолкнуло к продолжению.

– Ни одной граммы... А, Анджлль Джжлии, – едва выговорил он заплетавшимся языком, – вон...

Паршинников резко развернулся в сторону стойки бара.

– Чем хуже? Красавица!.. Анджела... – выкрикнул он имя официантки.

Дмитрич, просекши ситуацию, придерживая хмельного Михаила за локоть, когда тот обращался в сторону, незаметно намекнул иностранцам, чтобы те поскорей уходили.

Михаил, протягивая руку в сторону барной стойки, вспомнив об иностранцах, вновь повернулся, но, не заметив никого, едва удерживая равновесие не без помощи Дмитрича, направился в сторону лифта.

– И все же мы, – Михаил снова ударил кулаком себя по груди, обращаясь скорей самому себе, – актеры России, играем лучше, чем... – он повернулся, указав пальцем в сторону центрального выхода, куда вышли Нильсон с Фильчиганом, – ихне...

– Нжелочка, – Михаил обратился к официантке, которая, словно не замечая актера, занималась своим делом, – меня, красулечка, до обеда не буди.

– Хорошо, Михаил Александрович, – подыграла Анжела Паршинникову.

Михаил, заслышав женский голос, отреагировал словно заблудший путник, хотел вновь пококотничать с девушкой, но сдался уговорам своего куратора и с его помощью направился в номер.

– Да, русские редко знают меру в выпивке, – прокомментировал Нильсон, когда они с коллегой по колледжу оказались снаружи гостиницы.

Легкий ветерок слегка трепал волосы джентльменов и затихая, предвещая сухую и теплую погоду. На часах Фильчигана было девять часов двадцать шесть минут утра.

Нильсон был одет по ранневесеннему сезону, когда в Вирджинии в апреле воздух уже был прогрет и рядовые граждане, скинув теплые одежды, носили легкие ветровки, а кто-то выходил на улицы и без головного убора. Брезентовая кепка выделяла Нильсона среди более легко одетых изредка проходивших граждан.

Решив прогуляться по предложению Нильсона, Фильчиган хотел поскорей напомнить, зачем они здесь. Закупившись несколькими булочками, пирожками и соком по предложению товарища Юрия, Фэргата, они остановились у центральной кофейни с вывеской как на кириллице, так и на английском – «Central of coffee houses». Пошутив на ломаном русском языке немного с продавщицами, эсквайр, точнее, попробовав это сделать, но так как он был больше похож на странного уроженца, девушки посчитали его за местного щеголя, пытавшегося вспомнить молодость. Поняв к себе такое отношение, у Нильсона подпортилось настроение.

– Моей дочери столько же лет, как и им, – Нильсон пожаловался товарищу, когда они сели в салон черной «пятерки», – но Мари всегда улыбнется, всегда на ее лице дружелюбие, даже для незнакомого заговорившего с ней человека.

Фильчиган не знал, что ответить, лишь пожал плечами и все же добавил, как интеллигентный человек, в защиту женского коллектива:

– Ну, они с самого утра на ногах, и им еще целый день топтаться.

И Нильсон все же не смог с ним не согласиться.

Автомобиль отъехал от тротуара, вырвав на проезжую часть.

Они проехали светофор через перекресток, по правую руку вырисовывался на фоне деревьев малозаметный местный бассейн, хотя он и был размером с девятиэтажное жилое здание, друзья также не обратили внимания, что от тротуара за ними последовал белый Logan, двинувшись от остановки напротив бассейна.

Проехав реку через мост, Нильсон обернулся посмотреть назад, чтобы еще раз подивиться строению переезда.

– Прямо Бруклин в миниатюре, – сказал он.

Фильчиган тоже заинтересовался, но заострять внимание не стал, его больше волновал их путь. Он вспоминал.

Однажды ему пришлось посещать библиотеку полка, Андреас готовил лекцию под названием «Международные отношения между США и фашистской Германией до вступления в войну между странами».

Андреас Фильчиган был спокойным и уравновешенным человеком. Все его детство и отрочество прошли в одноэтажном доме с его родителями, которые были преподавателями гуманитарных наук, быть может, поэтому Фильчиган выбрал философский факультет и стал доцентом обществознания в колледже, расположенном в двух кварталах от дома. Друзей, на которых бы он мог, по его мнению, положиться, не было, кроме жившего по соседству Нильсона, эсквайра, и прежде чем отслужить в армии, Фильчиган советовался с Нильсоном по этому поводу, специально посетив его двор, единственный раз за все соседство побывав на этой территории.

Часто посещая центральную библиотеку, где хранилось множество старинных книг, сохранившихся со времен начала католичества, даже расцвета римской республики. Об этом Фильчиган знал хорошо, но в основном пользовался литературой, для того чтобы собрать необходимую информацию для написания рефератов во время его студенческой жизни. Ныне же он проводил здесь время, чтобы подобрать материал для будущего доклада в аудитории учебной кафедры.

Подыскивая исторических персонажей для своей будущей лекции, Фильчиган, сводил по цепочке времени людей граждан своей страны, к тому, что один из них был паломником, а в годы Второй мировой войны – разведчиком. Однажды за связь с еврейской семьей и нежелание отказываться от своей подруги, дочери главы этого семейства, был тайно переправлен карательной системой СС в один из лагерей, где уже давно ожидали своей участи как евреи, так и польские пленные, не желавшие принять фашистский режим. Познакомившись с Яношем Полански, этот американец узнает от него о символе древних мнимуеков, обитавших задолго до того, как построили древние пирамиды в Гизе, в те времена, когда вымер последний саблезубый тигр в уральской лесостепи. Знак выглядел как дерево с завивавшимися ветками к комлям. Янош, так как он был историк по образованию, побывав с ещё развивающейся национальной партией в Германии, попытался найти следы, ведущие к познанию древнейшей цивилизации. Но, проведя около двух лет в России в продолжение своих поисков, уже как последующие три месяца Германия вела войну с Польшей, Янош, вернувшись на родину, был захвачен в плен.

Поиски древних знаний велись и со стороны нацистской германской разведки отдельной группой, входившей в состав СС, возглавлял которую любитель исторических ценностей Эрих Кох.

После удавшегося освобождения отбитого союзниками у немцев при транспортировке на родину американского пленного тот был зачислен на службу в разведывательное управление и по особому его желанию был направлен на слежение за работами, ведущимися по обороне, на место остановки северных конвоев в порт Экономия в Архангельск, состоя в составе королевской резидентуры. В то время по службе ему пришлось под вымышленным именем принять вид речного кока на одном из советских пароходов, так как он неплохо был ознакомлен с кулинарией. В детстве он подрабатывал у отца на фабрике. Резидент знал русский, но, стараясь

скрыть акцент, чуть шепелявил, сходя за поляка. Почему и получил кличку Шепелявый. При своем любопытстве бывший заключенный, совмещая службу на благо своей родины, также производил исследования в области тайного знака, описанного поляком, которые его привели к расположенному в семистах километрах от Архангельска поселению. При массивной атаке люфтваффе города американцу пришлось оставить порт. Вернувшись в Вирджинию, внезапно каким-то образом удачно оставив свою работу, облачившись в рясу проповедника, а затем приняв сан дервиша, стал ездить по местам, где случались собрания, касающиеся религиозных или иных тем. В своих путевых записях Пол Ариман, как звали бывшего нацистского узника, кратко отметил тайный знак на вкладыше своей тетрадки, словно отложил загадку до следующего времени, сделав из нее закладку. Тетрадь датировалась 1945 годом. Литеры Z и I, разбросанные по листам, ютились в нечастых предложениях обычного текста, но незаметно отличавшихся от основной рукописи, являя собой тему физического состояния тела, противоречащей всем законам физики, соприкасаясь с теорией относительности Эйнштейна, в те года обыкновенной среди учебных заведений научного характера. Сопоставив текст, проведя небольшое расследование, Фильчиган отправил запрос в Калининград вновь по поводу интендантсии рейхскомиссара Коха, однако получил весьма скудные результаты. Отчего, на удивление Нильсона, он решил взять отпуск и направиться в Россию сам.

– Машина опять без пробега? – спросил водитель белого Renault, следуя за «пятеркой».

– Угу, – промычал второй пассажир. Он сидел напротив водителя, думая о чем-то своем, закусив костяшку указательного пальца, он глядел вперед, высунув локоть сквозь проем окна двери авто.

– Ну, твою... – выругался водитель, – у меня только год вождения, а здесь по этим проулкам... Тут же на каждом пути перекресток, а их водители гоняют как...

Агент не знал, как закончить свою речь. Второй агент был настолько увлечен своими мыслями, что никак не реагировал на него.

Дорога для водителя, казалось, была более чем проста, но отличалась от американских квартальных дорог частями с неглубокими выбоинами, светофор на перекрестке без «бегающего человечка».

– Слушай, Фрэнки, давай плюнем на директивы и в следующий раз, а я уверен, что будет следующий раз, машину буду выбирать я сам. И цвет тоже, – закончил фразу водитель, посмотрев на соседа, тот по-прежнему держал в зубах костяшку пальца, не отрывая взгляд от дороги.

Покрутив в недоумении головой, водитель продолжал путь.

– Надеюсь, дальше дорога не будет такой страшной, хорошо рессоры держат, – сказал он, в который раз подскочив на выбоине.

Фэргату позвонили.

– Да, Валера. Нет, я сейчас не могу, я еду на двадцать пятый. Да, хорошо. До свиданья, Валера.

Водитель «пятерки» бросил отключенный мобильный телефон на второе пустое сидение пассажира.

– Свойка который раз женится, попросил меня гостей развозить на завтра, – сказал Фэргат, обращаясь то ли к самому себе, то ли к попутчикам, забыв, что они оба интуристы и еще хуже владеют русским языком.

Овладевший два года назад шоферской деятельностью, на вид кавказской национальности, бывший продавец туфлями Фэргат решил сменить амплу и стать водителем такси, приобретя заранее автомобиль с уценкой в кредит. Нильсон обратившемуся к ним водителю из вежливости ответил кивком, вновь вернувшись к обзору карты, которую достал Фильчиган, дабы показать важность их поездки и то, что им некогда слушать других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.